

Памяти Геннадия Васильевича Болдыгина (1947–2023). Друзья, коллеги, ученики

Прощание с коллегой и другом

Пятого августа 2023 года на 77-м году ушел из жизни Геннадий Васильевич Болдыгин. Ушел после тяжелой болезни. Мы, его ближайшие коллеги, знали диагноз и понимали неминуемый исход. И все же меня смерть Геннадия Васильевича повергла в шок. Она оглушительна и сокрушительна и для тех, кто, как я, тесно общался и дружил с Геннадием Васильевичем, и для всего Гуманитарного университета, столь многим ему обязанного.

Мы работали с Геннадием Васильевичем, а для меня давно просто Геной, на философском факультете УрГУ в последние годы советской власти, но тогда даже не притязали. Здоровались, пересекались изредка на нечастых общих заседаниях (работали-то на разных кафедрах). Но уже тогда, так сказать, издавека, я знал Геннадия

Васильевича как принципиального и смелого человека, что для советского философа – «работника идеологического фронта», как нам предписывалось властью, было большой редкостью. В эпоху застоя люди на собраниях, как правило, молчали. Не столько из-за страха, сколько из сознания, что от твоего мнения ничего не зависит. Но и о формуле «активность наказуема», рожденной нашим советским бытием, тоже не забывали. А Геннадий Васильевич нередко брал слово. Говорил негромко, спокойно и уверенно. Критиковал, предлагал. Был немногословен и непафосен. Это вызывало уважение. Потом началась перестройка.

Однажды весной 1990 года в аудиторию, где я закончил читать лекцию, зашел Геннадий Васильевич и позвал на разговор. Он меня изумил, ошеломил своим предложением. Он сказал: у нас теперь есть возможность создать университет, такой, какой нам хочется. И предложил мне создать факультет истории культуры (словом «культурология» мы еще пользовались редко) и стать его деканом. И создал Гуманитарный университет. Это было почти 33 года назад.

Работа Болдыгина на первом этапе создания и работы ГУ была, без преувеличения, титанической. Не было факультетов и преподавателей – Геннадий Васильевич собрал команду лидеров, создал вместе с ними факультеты. Не было помещения – он нашел Студенческую, 19. Не было материальной базы – появились компьютеры и все, что нужно для занятий. На этом, самом сложном, этапе существования ГУ он был и юристом, и дипломатом, и проектировщиком учебного процесса, человеческих отношений, необходимых зданий, среды для студентов. Если бы все многочисленные аспекты работы Геннадия Васильевича тогда не были качественными, его «замесы» не были правильными, то нашего университета давно бы не существовало.

Но нам всем тогда повезло не только со свободой, фантазией и смелостью Геннадия Васильевича, с его – академического философа! – практической сметкой и способностью экономически мыслить. С его стойкостью и выдержкой: сколько трудностей они

помогли нам пережить! Своих волнений и опасений Геннадий Васильевич никогда не показывал, ни разу не проявил панических или пессимистических настроений – только упорство, целеустремленность и вера в лучшее. Эти качества работали на университет все 33 года. Но у Геннадия Васильевича оказались, на мой взгляд, еще более ценные качества, необходимые для нормальной жизни, работы и развития университета и всех нас. Бесценные духовно-душевные качества нашего Геннадия Васильевича!

Во-первых, это, конечно, его не книжная мудрость. Способность жить и работать, решать проблемы и относиться к людям в соответствии с высокими принципами подлинной культуры. У Геннадия Васильевича вся его каждодневная и «управленческая» психология были пронизаны мудростью. Никакой суеты, мелочности, нервозности, нетерпимости, никогда никаких «психозов» и взрывов гнева в ситуациях, когда большинство людей психуют и гnevаются. Человек редчайшей доброжелательности и такта в любых условиях, с любыми людьми – от высоких начальников и важных партнеров до буфетчицы, уборщицы и, само собой, студентов. Мне кажется, наши студенты не то что никогда не боялись Геннадия Васильевича – они тянулись к нему как к старшему другу и защитнику их интересов.

Понятно, что эта мудрость – не только результат ума и огромной образованности Геннадия Васильевича. Прежде всего, она – плод его интеллигентности. Абсолютно органичной, на уровне «психосоматики», его доброты. Чуткости и бережности к душевной организации любого человека независимо от его социального статуса. И, конечно, его обостренной совестливости и человечности. Любимым философом Геннадия Васильевича был И. Кант. Он читал его в подлиннике, много писал о нем, внутренне беседовал с ним всю сознательную жизнь. При этом о великой этике Канта Геннадий Васильевич, насколько я помню, не писал никогда. Но он жил именно по этическим принципам Канта, в соответствии с его категорическим императивом: никогда не относился к другим людям как к «средству» (достижения своих целей), но только как к цели.

И эти непростые ценности, принципы и отношения Геннадий Васильевич «имплантировал» в культурный генотип ГУ и всегда неустанно поддерживал. Добрый, порядочный и человечный «дух Гуманитарного университета» – это, конечно, дух и душа его создателя.

Конечно, дела и образ Болдыгина – идеолога, инициатора, создателя, учредителя и первого ректора Гуманитарного университета если и не затмили полностью, то явно отодвинули на второй план Болдыгина – философа по профессии и призванию, увлеченного и тонкого исследователя истории философии и науки, великолепного лектора, педагога, руководителя научных работ студентов и аспирантов. И в Гуманитарном он продолжал читать философию, а потом, с появлением в ГУ аспирантуры, – свой любимый курс для аспирантов по истории и философии науки. В сетях в дни прощания с Геннадием Васильевичем появились отзывы бывших слушателей Геннадия Васильевича о его лекциях на философском факультете УрГУ и в ГУ. Трудно назвать эти отзывы иначе как восторженными. Люди восхищались не только качеством информации «от Геннадия Васильевича», но и способом ее передачи лектором, превращавшим каждую лекцию в захватывающее интеллектуальное событие и событие повествовательное – настолько мастерски строил Геннадий Васильевич сюжеты своих лекций, создавая вокруг высоких теоретических проблем и категорий атмосферу интереснейшей истории, делая казавшиеся далекими от слушателей абстракции близкими, понятными, а главное – значимыми для студентов и интересными для них.

Я никогда не слышал лекций Геннадия Васильевича. Правда, он регулярно выступал на «моей» секции философии культуры наших традиционных конференций в ГУ. Но жанр короткого выступления ему не нравился: он требует, из-за дефицита времени, высокой степени формализма и «тезисности». А замыслы и высказывания Геннадия Васильевича были рассчитаны на неспешное изложение, явно предполагали моменты импровизационности, т. е. возможности свободного мышления вслух. Вообще пред-

полагали свободу, возможность нерегламентированного самовыражения и общения с аудиторией Он, например, часто «разминал» материю слов, обозначающих важные для его темы категории, всматривался и вслушивался в их этимологию. Одна из главных – категория природы. Обращался к исходному языку, древнегреческому или латинскому (в данном случае – фюзис и натура, простите, что не в графике первоисточника), а потом к языку философа, внёсшего большой вклад в развитие этой категории. И на конференциях, если было время, превращал свое «сообщение» в доклад-лекцию.

А мне повезло быть собеседником Геннадия Васильевича. Точнее, слушателем его в наших разговорах, начинавшихся как деловые или бытовые, но очень быстро превращавшихся в его монологи на темы, которыми в это время был увлечен Геннадий Васильевич – философ или историк науки.

О чем мы только не говорили! То есть говорил он, а я лишь иногда подавал маленькие реплики. О том, что такое теория. Как понимал природу Аристотель. Что такое обыденное сознание и в чем его особенности. Как наука в древности и сегодня познаёт истину. О многом другом. Но более всего о его любимом Канте. О его, Канта, важнейшей паре категорий, определившей его мировидение и мировидение мировой культуры после него: природа и свобода. И о практическом разуме. Уже и не упомянуть сейчас всего. Но что меня всегда более всего притягивало к нашим разговорам о Канте и обо всем остальном под общим названием «философия», что меня, как любопытный чертик внутри, периодически подталкивало буквально провоцировать Геннадия Васильевича на монолог, подбрасывая ему то один вопрос, то другую тему (а его и не приходилось долго уговаривать), так это удивительная, органически присущая Геннадию Васильевичу оптика – глубоко личностная особенность его видения и мышления, удивительным образом и парадоксально единые при подходе к вопросам повседневной жизни, управления университетом и сложнейшим структурам и ходам философии Канта. Я бы назвал эту оптику, присущую сознанию Геннадия Васильевича, точкой зрения жизни. Это была способность связывать разные, но (каждый раз по-своему) сложные вещи с естественной, органической логикой жизни. Геннадий Васильевич во всем умел видеть реальные жизненные истоки. И у Канта видел. И переводил сложнейшие кантовские конструкции на язык жизни. И Кант, его идеи становились не скажу простыми, но понятными и жизненными, укорененными в логике жизни. Это не было популяризацией, т. е. упрощением уже известного сложного. В том-то и дело, что этот взгляд неожиданно открывал нечто новое, чего ты сам не видел, о чем не догадывался, что вовсе не проглядывало в тексте мудреца Канта, когда ты сам пыхтел над ним, пробиваясь сквозь ткань многослойного кантовского мышления и языка. И такой способ мыслить касался не только Канта – не побоюсь сказать, всего мира. Нашего, знакомого. И того, ученого, живущего в книгах и идеальной реальности, имеющей, если верить Платону и, отчасти, К. Попперу, самостоятельное существование. У этого видения, отчасти в силу его жизненной укорененности в принципе, но более всего в силу индивидуальности его владельца-субъекта Геннадия Васильевича (хотя еще надо бы уточнить, кто кем владел: Геннадий Васильевич своим видением или оно своим Геннадием Васильевичем) была и другая магнетизировавшая меня особенность: «домашность» формы и, самое главное, ее внутреннего тона, интонационного строя. Это был тон очень негромкого, почти интимного общения с близкими людьми. Тон, не знавший не только пафоса и котурнов, но и горячности, полемической остроты, «бури и натиска», бытовой суетности и нервозности, – тон тотальной доброты, приятия, заведомого доверия к своему объекту и собеседнику. Этот тон погружал тебя в уютную вселенную и ласкал, немного, правда, порой и убаюкивал, расслабляя. Ничего невозможного для понимания, недостижимого и, боже упаси, страшного в этой вселенной не было и быть не могло.

Если бы Геннадий Васильевич обладал тщеславием (много лет назад один наш с Геннадием Васильевичем умный коллега сказал мне, что без тщеславия великих ученых и вообще великих людей не бывает), он бы обязательно конвертировал свой способ мышления и стиль выражения в тома, имевшие бы, я уверен, огромный успех у

философов и тех, кто учится на философов. Но у него не было никогда и ни в чем ни капли тщеславия. Им двигало в его философских занятиях простое любопытство, желание получить ответы на невесть откуда приходящие вопросы. И был спортивный азарт разгадывания загадок реальности и сознаний великих мудрецов прошлого. И решив свою задачку – разгадав очередную загадку, он удовлетворенно успокаивался. До нового позыва к новой загадке и творчеству. Можно пожалеть о не написанных Геннадием Васильевичем книгах. Может, порой, и он сам жалел о них. Но жил и мыслил, как ему жилось и мыслилось. Точнее было бы сказать: как ему хотелось.

Да, наш коллега и друг Геннадий Васильевич был не только мудрым и тонким философом – он был, и прежде всего, свободным человеком. Редкостной степени свободы. Эрудированные люди, всю жизнь проживающие в «пределах возможного», то есть допустимого, разрешенного «свыше», любят воспевать и утверждать благо внутренней свободы. Что и говорить, она – норма для человеческого духа. Но высшая свобода – в опредмечивании своей свободы внутренней, своей сущности в поступках, делах, отношениях, в способности быть собой и добиваться своего – даже вопреки запретам и преградам. Настоящая свобода – превращение внутреннего намерения в действие в окружающем мире. Она умирает без действенного самоутверждения. Я это понял благодаря Геннадию Васильевичу. Он всегда был собой. Наверное, это минимум реальной, практической свободы – но это свобода. А когда мир дал ему шанс – он сразу стал реализовывать себя. Не умственно – практически. Стал человеком большого проекта. По Сартру. И по Ленину: «практика выше теории». При всей своей любви к философствованию, к чтению и обдумыванию Канта и Гегеля, он предпочел им свой маленький университет, где «порядок вещей» и отношений такой, о котором мечталось, которого хотелось. Где учат «правильно». Где ценят культуру, образованность, творчество, но также и человеческую солидарность, взаимопомощь, порядочность, доброту, честность в делах, ответственность, трудолюбие, достоинство каждого независимо от должности, статуса, званий. Этот проект, как любой другой, вдохновленный идеальными помыслами, не был и не является в своей воплощенной реальности идеальным. И Геннадий Васильевич всегда понимал это. Но все же он любил университет не только потому, что это было его детище. Его радовала дружная работа квалифицированных и порядочных людей. Радовала результативность этой работы, ее количественная сторона (более 12 тысяч выпускников) и качественная. Радовали отношения в коллективе, его нравственный климат. Многое что. Но и огорчений было достаточно – и они были нормальным стимулом для новых усилий, новых поисков, новых решений, нового развития.

И вот Геннадий Васильевич Болдыгин ушел от нас. Необходимый, дорогой, безмерно уважаемый и любимый. Невосполнимая потеря. Непостижимое и трудно переносимое горе. Глубоко скорбим и оплакиваем его безвременный уход. Горячо соболезнуем Светлане Дашиевне Балмаевой, преданной жене и другу Геннадия Васильевича, его детям Кате и Саше, внуку Леве, всем его друзьям и товарищам. И перебираем в благодарной памяти наши встречи и разговоры с ним, наши университетские события, наши общие радости, проблемы и печали, и звучит в ушах и в душе негромкий, неспешный, теплый голос Геннадия Васильевича, его мягкая, добротой и приятием собеседника наполненная интонация, светится его улыбка, радуется жизни и согревает нам душу его юмор. И живы уроки мудрости и человечности Геннадия Васильевича – глубокого философа, чуткого педагога, креативного организатора, смелого новатора-экспериментатора, отзывчивого душевного мужа и отца, товарища и коллеги, достойно, порядочно, плодотворно и красиво прожившего свою жизнь Человека.

Светлая благодарная память!

Лев Закс, ректор Гуманитарного университета